«Власть в школьном образовании принадлежит двум группам лиц»

Скажу несколько слов о том, о чем только что справедливо заметил коллега в своем докладе. Образование при любой трактовке понятия «консерватизм», хоть теоретической, хоть практической, это некий ключевой пункт, потому что образование создает каркас нации. Консерватизм уделяет значительное внимание преданиям, духовным традициям нации. А кто их передает? Из общественных институтов, без сравнения, важнейший – общая массовая школа. От того, как она поставлена, многое зависит в обсуждаемой сегодня области. С общей школой у нас беда. Эта система передачи отеческих преданий от поколения к поколению неизбежно ломается в годы слома.

Например, без малого сто лет назад, когда Отечество наше перешло из состояния Российской империи к состоянию РСФСР, наряду со многим другим была сломана общая массовая школа. В течение нескольких лет ее тяжело лихорадило. Там царствовали люди, похожие на тех, кто царствует в ней сейчас, – педологи всякие. Добрые большевики терпели их меньше десяти лет. В течение десяти лет они на всё это смотрели сквозь пальцы – видимо, у них были другие дела. А когда поняли, что проку не получается, педологи были разогнаны и в целом страна вернулась на траекторию школы, которую определила гимназия Российской империи. В чем-то эту траекторию улучшили, в чем-то ухудшили, но традиция продолжалась.

При сломе в 1991 году тоже могла бы капитально сломаться традиция массовой школы, но она не очень сломалась, прежде всего потому, что пришедшим к власти людям было абсолютно не до школы. И потому 1990-е годы, которые многие справедливо бранят за всякие беды, как раз педагоги вспоминают с каким-то странным восторгом. Школа была тогда в дикой нищете, денег им не платили практически вообще, но школа была абсолютно свободна. Поскольку тогда в школе было больше, чем сейчас, людей, которые любят детей, любят учить, саму идею школы, то, в общем, творилось много хорошего. Большинство замечательных школ, которыми мы гордимся и сейчас, возникли или окрепли в 1990-х годах.

Потом началась беда, начался слом, началась реформа. Большевики терпели все эти радости меньше десяти лет. Мы «реформируем» уже больше пятнадцати. Конца этому нет и, кажется, не будет. Школу, то есть институцию, созданную человечеством, чтобы передавать традицию каждому последующему поколению, трясет уже пятнадцать лет.

Это не лезет ни в какие ворота, и этому не будет конца, потому что сейчас полная власть в школьном образовании принадлежит двум группам лиц – и обе они категорически школе противопоказаны.

Первая группа – это идеологи реформы, профессиональные реформаторы. Они занимаются только реформой. В тот момент, когда слово «реформа» по каким-либо причинам станет неудобно произносить вслух, они лишатся рабочих мест. Эти люди полностью царствуют в идеологическом отношении. Разумеется, я выражаю здесь очень жесткую точку зрения и в чем-то сознательно обостряю.

Вторая группа, возможно, более страшная, – это чиновники. Такого дикого чиновничьего гнета, который сейчас испытывает школа, не было никогда. Не знаю, как в смысле международных сопоставлений, – может быть, в какой-нибудь державе, в Ботсване или, наоборот, в Гонконге, такое когда-либо было – в России же ничего подобного никогда не было, ни до Советов, ни при Советах. Невозможно. Чиновники задавили. Нет под рукой цифр – так ли их много, как кажется. Кажется, что их неимоверно много. Эти люди не знают ничего об образовании, они все «эффективные менеджеры» и занимаются тем, что «контролируют». Они не занимаются образованием, они занимаются реформой образования и контролем образования. Поэтому всякий педагог, прежде всего в общей школе, но уже давно и в высшей школе, отдает дикое количество времени заполнению абсолютно бессмысленных бумаг. Количество этих бумаг возрастает в какой-то неимоверной прогрессии. В школе кошмар. Проверяющий приезжает каждые полчаса, ты должен положить на стол несколько документов – написанный в августе план на год, поурочный, где, в частности, про каждый урок написана не только тема, которую ты будешь обсуждать с детьми, но и какие пробелы в их знаниях ты будешь закрывать. То есть ты в августе должен написать, какие пробелы, сложившиеся в марте, будешь закрывать на уроке в апреле. Приедет проверяющий, положит на стол этот план, классный журнал, дневники детей, и если что-нибудь с чем-нибудь не совпадет, если дата изучения какой-то темы в классном журнале на два дня разойдется с давним планом, ты вылетишь из школы с волчьим билетом. Что происходит?!

Школа продолжает быть нищей. Провозглашенный курс повышения заработной платы учителям до средней по региону – это прекрасно. Но курс этот не свободен от лукавства. Никто не говорит о том, о чем надо говорить, – что до средней по региону должна быть доведена оплата учительской ставки. Вместо этого говорят, что должна быть доведена заработная плата. Каждый год средняя загрузка учителя, даже измеренная только в учебных часах, растет. А ведь она должна быть умножена на три. Потому что помимо работы для уроках учителя пишут тонны бумаг. Об этом никто не говорит. Вы серьезно думаете, что какие-то лучшие люди пойдут учить детей? Поговорите с настоящими учителями – они вам скажут.

И всё это обернуто в плотный слой лганья. Существует такое развлечение – «эксперимент по-минобразовски». Всё, что они придумывают, они проводят через «эксперимент». Они объявляют, что нечто экспериментально будет опробовано в нескольких регионах – и опробуют. Но за всё время реформ никто не подвел цивилизованным образом

итоги ни одного такого «эксперимента». Не было не только независимого доклада, не было вообще никакого доклада о результатах – никогда. Всегда говорят «эксперимент прошел, мы внедряем». Кто прошел? Куда прошел? Помню, как я был потрясен – и не только я; это было, кажется, в конце инвеституры президента Медведева. На встрече с учителями Дмитрий Анатольевич сказал: «Сколько езжу по стране, не видел ни одного учителя, который против ЕГЭ». У нас у всех рты открылись: мы-то почти не видели учителей, которые «за».

Эта плотная завеса лганья, которая окружает реформирование образования, по-видимому, всех устраивает. На полемику они не идут. Есть такой великий педагог Сергей Евгеньевич Рукшин. Это единственный человек в мире, у которого в учениках сразу два филдсовских лауреата – знаменитый Перельман и менее знаменитый Смирнов. Ну, ты хотя бы иногда послушай, что Рукшин говорит. Вдруг он лучше тебя понимает в педагогике? Я видел, как с ним обращаются на конференциях. Я постеснялся бы так обращаться с дворовым псом. Если ему и дают иногда слово сказать, то ответа он не удостаивается ни-ког-да. «Кто ты такой? Мы реформаторы, мы передовые. А ты кто?».

Пример последних месяцев. С неба свалилась очередная концепция – на этот раз реформы педагогического образования. Когда только начинали мучить школу пятнадцать лет назад, все до одного умные люди говорили, что в школе плохо и надо исправлять положение, причем прежде всего надо заняться педагогическим образованием. Без этого всё остальное – паллиативы, которые не сыграют никакой позитивной роли. Не прошло и пятнадцати лет – послушались. Но как? Мы думали, что педагогическое образование надо серьезным образом улучшать. Минобр же за последние два года закрыл две трети существующих в России педвузов – что-то просто закрыл, что-то слил с университетами, то есть две трети – это ликвидированные учебные единицы. А теперь объявил реформу оставшегося педагогического образования, которая сводится к тому, что не надо перегружать будущих учителей теоретическими дисциплинами – дескать, это всё фигня, никому это не нужно. А нужно, чтобы они уже на студенческой скамье начали давать уроки – чтобы они в практике обучались. То есть, в сущности, остатки педагогических университетов и институтов перевести в состояние советских педтехникумов. (Это два-три года короткой натаски, практика по-быстрому – и иди в детский сад воспитателем.) Сейчас то же самое предполагается практически для всей школы. Никто никого ни о чем не спрашивает. Какой разумный директор школы позволит, чтобы в его школе ничего не умеющие детишки-студенты учили доверенных ему детей? Какие родители будут на это смотреть благосклонно, чтобы их детей в течение трети учебного времени учили недоучки?

Никто никого ни о чем не спрашивает. Уже объявлено, что будет эксперимент в течение двух лет, кажется, в семи регионах, а потом это будет внедрено. Тот же помянутый мною Рукшин волком воет. В центральную прессу он проникнуть не может. Его публикуют только в тех изданиях, где не боятся министра Ливанова. И что? Нет ни одного человека, нет ни одного успешного практического педагога, который одобрил бы эту реформу. Не по должности одобрил, а сам. Судьба ее известна:

как с ЕГЭ экспериментировали и одобрили, так и это будет экспериментировано и одобрено. И когда реформа педагогического образования, наконец, пройдет, это будет означать, что реформа школы завершена. И это единственное, что хорошо.

Конечно, результат не будет совсем уж похоронным потому, что до сих пор, при гигантском давлении, при страшных условиях, есть масса хороших школ в России. Если на них перестанут хотя бы с каждым днем всё больше давить, они оставят возможность для воскрешения массовой школы, когда и если до этого у кого-нибудь дойдут руки.